

Коровина Т. П.

МИР ОКОН ВЛАДИМИРА НАБОКОВА (Этюд)

«Все, что время как будто и отняло,
а, глядишь, засквозило опять,
от того, что закрыто неплотно
и уже невозможно отнять».

В. Набоков

Если я спрошу: «А знаете ли вы, что такое окно?» – вы удивленно пожмете плечами. Конечно, ведь окно – это так просто, просто как воздух, просто – пока оно есть. А представить улицу или дом без окон – невозможно!

В архитектуре окно как отдельный предмет начинает рассматриваться с начала XVI века, со времен эпохи Ренессанса. Множество оконных форм приносит барокко. Меня же привлекает эпоха модерна, ее окна и витражи, их динамичные, удивительно выверенные и четкие, как «удар бича», линии оконных рам и переплетов, гармоничное слияние многоцветных окон со всеми элементами декора. В это время происходит как бы обобщение эстетического опыта предыдущих эпох, – все делается талантливо и легко.

Модерн – это метаморфозы, фантазии и полет мысли. Не случайно возрождается язык символов, они присутствуют в поэзии, музыке, живописи и архитектуре. Символы органично входят в орнаментальные росписи, майолики, решетки, витражи. Окно тоже воспринимается как символ: и как символ перетекания пространств, и как символ перетекания времен, и как символ соединения земного с космическим. Образ окна рассматривается и как символ окна в будущее.

Согласно некоторым языковым теориям, буква – это тоже символ и буквенный образ слова имеет свою определенную значимость. В интереснейшей, новаторской книге-учебнике авторов И. В. и Д. М. Барановых «Периодическая система русской речи» читаем: «Буква “О” своим изображением символизирует замкнутое пространство, заверченный цикл, завершенность».

В слове «окно» буква «о» в начале слова обозначает и простор, и пространство, и замкнутую форматом окна прозрачность. Буква «о» в окончании слова «окно» – отзвук-отклик на первое «о», вовлечение в круговорот-вращение вокруг прозрачной завершенности образа окна. Окно – это бесконечное вращение-возвращение от «о» к «о» – читаем «око». Итак, буквенный символ слова «окно» – око: око прозрачное, око глубинное, око бесконечное...

А не метаморфоза ли этот буквенный символ окна – замкнутая прозрачность как замкнутая бесконечность? Опять метаморфозы?! Но они-то и возвращают нас в Санкт-Петербург эпохи модерна – в «Серебряный век».

Надо ли говорить, что каждая эпоха интересна людьми, ее творившими. Наш город той поры прославил целая плеяда выдающихся художников, поэтов, музыкантов, философов, зодчих и ученых. Как в словаре «Стили в искусстве» отмечает его автор – художник и ученый В. Г. Власов – «все новое в искусстве модерна формировалось прежде всего в области архитектуры, декоративного и прикладного ис-

куства, но не столько самими архитекторами, сколько живописцами и графиками». Но не вернее ли было бы сказать, что таланты зодчих и художников счастливо дополняли друг друга? Назову имена некоторых из них: братья А. Н. и Л. Н. Бенуа, А. И. фон Гоген, М. Н. Врубель, Ф. И. Лидваль, М. С. Лялевич, Н. К. Рерих.

Санкт-Петербург разрастался, застраивался, появлялись целые кварталы и улицы в стиле модерн. Здания гармонично вписывались в облик нашего города, чудесно его расцветивая, расширяя, обновляя и... удивляя – ведь их внутренний и внешний облик иногда был так необычен, что казался зрительным обманом, оптической иллюзией и, как бы перетекая сквозь окна, врвался в улицы города! Благодаря огромности и объемности окон и витражей эпохи модерна возникал этот эффект многоцветности, праздничности!

Я намечаю примерный путь по маршруту таких окон от Большой Морской до улицы Чайковского, которые знакомы мне с детства. Большая Морская всегда манила торжественной праздничностью, гармоничным слиянием архитектурных стилей разных эпох. Она озарена витражами, майоликами, украшена каменным и металлическим кружевом. Это улица, на которой никогда не бывает плохой погоды.

Начинаю путь с особняка Набоковых (архитекторы М. Ф. Гейслер и Б. Б. Гуслистый): на парадной лестнице сохранились витражи с чудным цветным рисунком по матовому стеклу (работа рижской мастерской Э. Тодде). Не сохранились, к сожалению, витражные ворота и окна, витражными были даже двери ванных комнат... Интересно, где находились эти витражные ворота, о которых вспоминал Набоков?

Пересекая Исаакиевскую площадь, не могу не пройти мимо прекрасного витража в Исаакиевском соборе (работа мюнхенских мастеров), сквозь который с небес алтаря в сверкающих, струящихся одеждах идет к нам Благословляющий Спаситель...

Спускают с небес на землю витражи гостиницы «Астория», до которых можно дотронуться рукой. И снова взлет, когда мы видим сказочные окна дома страхового общества «Россия» (арх. А. А. Гампель и В. В. Ильешев): по эскизам Н. К. Рериха в петербургских мастерских были выполнены эти витражи (мастерская В. А. Федорова) и майолики (мастерская П. К. Ваулина)...

В доме придворного ювелира К. Г. Фаберже (арх. К. К. Шмидт) чудесно сливаются цветные орнаменты витражей с кружевным кружением решеток парадной лестницы...

На Невском проспекте я хочу задержаться у двух зданий в стиле модерн – у торгового дома компании «Зингер» (ныне – Дом книги, арх. П. Ю. Сюзор) и у торгового дома товарищества «Братья Елисеевы», (ныне – магазин «Елисеевский», арх. Г. В. Барановский). Сочетание скульптурных групп с ажурными коваными решетками и цветами, а также с арками огромных и прекрасных окон и витражей, делают эти два запоминающихся, оригинальных здания неуловимо схожими!..

От великолепия и сияния нарядных, парадных улиц спешу свернуть на Караванную, а затем и на Моховую; даже от их названий веет тишиной, размеренностью и покоем. На Моховой я должна, конечно, остановиться у «своей» школы № 192. Когда-то я здесь училась, бегала на больших переменах по крытой стеклянной галерее в ТЮЗ и не подозревала о будущих встречах с писателем Владимиром Владимировичем Набоковым. А ведь и он когда-то учился в этом же здании – в Тенишевском училище (арх. Б. А. Берзин). Следуя по пути витражных окон, только что я невольно повторила путь, который Набоков описал в автобиографической повести «Другие берега»: от особняка на Большой Морской до Тенишевского училища.

Я спешу перечитать эту книгу; конечно, затем начинаю читать все «набоковское» и – его стихи!

Не сразу я понимаю, что окна модерна и даже витражи надолго забыты: передо мной открылись другие – набоковские – окна! Они пришли ко мне не случайно, а именно тогда, когда я была увлечена окнами модерна, окнами именно той поры, в которую родился и жил в нашем городе Владимир Набоков. Я слышала мелодии окон, что были открыты «пять минут за сотни лет до нас».

С откровений «Вечера на пустыре» я поняла, что *стихи* поэта Владимира Набокова – тоже *окна!* – окна в мир его души. Как чудесно слияние образа окна и вдохновения! Через окно, прелестное и запотелое, Поэт раскрывает свою трепетную Душу. Через этот же образ Поэт находит и свое вдохновение...

И «оконные» мелодии стали откликаться почти в каждом стихотворении Поэта. Кажется, что Владимир Владимирович идет мне навстречу, подсказывает даже код, открывающий окна в его мир: «Мне думается, что в гамме мировых мер есть такая точка, где переходят одно в другое воображение и знание, точка, которая достигается уменьшением крупных и увеличением малых – точка искусства». Передо мною через окна В. Набокова открывается его жизнь – и счастливая, и трагическая!

Владимир Набоков и его семья разделили участь многих, может быть, лучших россиян – изгнанников той мятежной, революционной поры. Поэт же воспринимает изгнание и как потерю Рая. Тема Родины, тема утраченного Рая пронизывает – пронзает все его творчество.

Как бабочка, кружит Владимир Набоков вокруг окон детства, вновь и вновь сквозь них и через них возвращается на родину. «Сыздетства утренний блеск говорил мне одно и только одно: есть солнце – будут и бабочки». Мы знаем, что бабочки были второй, если не первой, страстью Владимира Набокова. Эти-то утренние окна я должна поставить в первый ряд окон, открывающих нам мир В. Набокова! А бабочка – не символ ли души Поэта? Есть и второй ряд окон – окна изгнания.

Плыви, бессонница, плыви, воспоминание...
Я дивно одинок. Ни звука, ни луча...
Ночь за оконницей безмолвна, как изгнание,
Черна, как совесть палача.

(Россия)

Образ окна постоянно возникает и чудесным рефреном пробивается в произведениях В. Набокова! Кружит Поэт вокруг этого образа: он знает, что только через окна, окна памяти, возможно возвращение домой, через символ ока-окна возможно и возвращение в будущее. И Поэт прав! Так оно и есть! Он с нами!

Вслушаемся еще раз в набоковские оконные мелодии: в них не забыт, кажется, самый тончайший штрих, не забыт отсвет «окна, в отдаленье поймавшего луч», «и одуванчик тучи апрельской в голубом окошке моем»; не забыто «нежное ощущение холодной щеки» мамы, которая «летит, ликуя <...> из снежно-синего, сине-оконного прошлого». Не забыто и окно, у которого «рамы пахнут свежим клеем, на стекле перламутровый и хрупкий вьется инея цветок». И конечно, В. Набоков не может не подарить нам «прозрачную арлекинаду» – те окна с цветными стеклами, что были «постояннейшими источниками очарования (в часы чтения на вырской веранде)».

Через изменения оттенков и настроений – набоковские мелодии: от «снежно-синего, сине-оконного» детства до пылающих, трагично-одиноких окон то ли изгнания, то ли Петрограда семнадцатого года.

Цветное многозвучное видение открывает перед Набоковым временные и пространственные границы. Божественный дар позволяет достигать неземных высот, и там Поэт ощущает себя полноправной частицей мироздания.

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек.

.....

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом,
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чем?

(Око)

«В судьбах отдельных выдающихся личностей, как в камере-обскуре, отражаются судьбы целых эпох <...> Это окна, через которые на нас дует ветер будущего», – писал поэт-философ Андрей Белый. Эти его слова в полной мере относятся к Владимиру Владимировичу Набокову. Его судьба – это око-окно, через которое мы, возможно, поймем и прошлое, и настоящее, и будущее...